

УДК 32.019.5+327

Цифровизация публичной дипломатии США

Н. А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Цветкова Н. А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 432–443. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.29>

В статье выявлены новые тенденции в такой области внешней политики США, как публичная дипломатия. Используя качественные и количественные методы анализа, автор приходит к выводу, что интернет-дипломатия (цифровая дипломатия), пропаганда в социальных сетях, а также активное использование ботов и искусственного интеллекта, — новый императив публичной дипломатии США. Автор заключает, что такие понятия, как «мягкая сила» и «публичная дипломатия», заменяются термином «стратегическая коммуникация» в официальных документах правительства США, что подразумевает активное использование пропаганды. Результаты проведенного исследования могут найти применение во внешней политике России.

Ключевые слова: мягкая сила, публичная дипломатия, цифровая дипломатия, интернет, социальные сети, пропаганда, боты, постправда, искусственный интеллект, США, Д. Трамп.

Проекты в области культуры, образования, религии, языка, науки, информации и спорта как инструменты привлечения зарубежной аудитории к ценностям Америки перестали занимать приоритетные позиции в политике мягкой силы и публичной дипломатии США с 2013–2014 гг. [1–11] Стратегическая коммуникация и пропаганда, цифровая дипломатия являются ведущими направлениями во внешней политике США.

Поворот обусловлен вниманием администрации США к использованию социальных сетей в качестве инструмента мобилизации либеральных настроений в зарубежных странах, а также таким значимым событием в развитии мировой политики, как потеря информационной монополии США. Россия, Иран, Китай, страны Европейского союза и Латинской Америки сумели расширить национальные и альтернативные источники информации посредством социальных

платформ и развития цифрового телевидения в сети Интернет [12, с. 7–16]. Точка зрения правительства США на многие проблемы мировой политики оказалась не преобладающей, что заставило администрацию отказаться от многих традиционных программ публичной дипломатии и мягкой силы и сосредоточиться на расширении информационных каналов для продвижения собственной повестки.

С приходом администрации Д. Трампа ожидалось кардинальные перемены во всех аспектах внешней политики и публичной дипломатии. Однако, несмотря на различные заявления официальных лиц США о преобразовании в области политики мягкой силы, предложения президента о сокращении бюджета на программы в области информации, обменов, культуры, поддержки партий и неправительственных организаций в зарубежных странах, американская публичная дипломатия продолжает активно развиваться по линии цифровизации. Использование социальных сетей, ботов и элементов искусственного интеллекта для массированного распространения информации по целевым аудиториям в зарубежных странах и борьбы с информацией соперников находится на переднем плане внешней политики. Администрация Д. Трампа не только не сохранила наследие демократической администрации Б. Обамы в области цифровой дипломатии, но и активно развивает новейшие методы воздействия на зарубежных граждан, причем пропаганда обозначается как самый эффективный инструмент для борьбы с конкурирующими источниками информации.

Исходя из вышесказанного, автор данной статьи поставил целью своего исследования выявить новейшие и перспективные направления публичной дипломатии администрации США на современном этапе.

В исследовании будут использоваться такие документы правительства, как финансовые показатели, материалы слушаний в комитетах Конгресса по дотациям на внешнюю политику, материалы расследования российской информационной деятельности внутри США, рекомендации американских экспертов по использованию таких технологий как боты и искусственный интеллект в проектах публичной дипломатии и мягкой силы.

Обширная источников база потребовала применения различных методов. Традиционные методы документального и сравнительного анализа, что свойственно историческим исследованиям, являются основными. Методы анализа социальных сетей (статистический

софт NVivo), метрические показатели использования правительством США различных платформ в сети Интернет активно использовались для подготовки данного исследования.

Результаты исследования показали: после вступления в должность президента Д. Трампа публичная дипломатия активно использует потенциал цифровых инструментов. Новый госсекретарь США постоянно заявлял о сокращении состава госслужащих, занимающихся программами обменов, культуры или пропаганды. Аппарат публичной дипломатии новой администрации долгое время состоял из тех служащих бывшей администрации Б. Обамы, которые не покинули пост и получили статус «исполняющих обязанности». Однако многие сотрудники аппарата публичной дипломатии и, самое главное, квалифицированные эксперты покинули администрацию Д. Трампа, что привело к образованию вакуума в деятельности различных ведомств и прекращению реализации многих проектов. Особенно пострадал отдел Госдепартамента, который занимался ликвидацией информационных потоков террористов, вел информационную войну против России, Китая, Ирана и т. п. Центр глобального вовлечения (*Center for Global Engagement*), созданный администрацией Б. Обамы, развивал цифровые технологии, использовал блогеров и ботов для противостояния антиамериканской и антилиберальной информации в социальных сетях. Конгресс щедро профинансировал новое звено в публичной дипломатии буквально перед самым уходом демократической администрации в размере 60 млн долл. на 2017–2018 гг. После прихода к власти новой республиканской администрации должность главы Центра оставалась вакантной, а финансирование не использовалось в течение нескольких месяцев.

Подобные проблемы, как показывают документы, вызваны не слабостью администрации в поиске персонала или намерением госсекретаря реформировать ведомство на Фогги Боттом, а новыми рекомендациями экспертов о кардинальной перестройке аппарата публичной дипломатии в сторону развития таких технологических ресурсов, как использование искусственного интеллекта и ботов, для ведения информационных кампаний в социальных сетях. Это требует тщательного подбора сотрудников в отделы по публичной дипломатии Госдепартамента и выработки новой стратегии США в информационном противостоянии.

Как следствие, в течение 2017 г. была неизвестна фигура главы отдела по публичной дипломатии в Госдепартаменте. Только в де-

кабре 2017 г. стало ясно, что новую должность получит специалист в области коммуникации, причем в ее цифровом измерении. Ирвинг Гоулдстейн, известный проектами в области продвижения имиджа корпораций и правительства США через социальные сети Facebook, Twitter и т. п., был утвержден Сенатом и приступил к выполнению задач. Его назначение и официальные заявления подтверждают тезис о приоритете использования интернет-технологий над традиционными программами в новой публичной дипломатии.

Утверждения многих экспертов о том, что администрация Д. Трампа сократит бюджет на реализацию задач внешней политики и публичной дипломатии, оказались неверными. В период с января по июнь 2017 г. президент и госсекретарь неоднократно заявляли, что финансирование программ публичной дипломатии будет сокращено на 55 %. Проектная деятельность посольств США в зарубежных странах, работа американских библиотек, финансирование программы Фулбрайта и т. п. оказались под угрозой.

Однако Конгресс США не только не сократил расходы на реализацию традиционных и цифровых проектов, но и серьезно увеличил финансирование. Летом 2017 г. были приняты дополнительные законы и резолюции под общим названием «консолидированное финансирование»¹. Страны постсоветского пространства и Восточной Европы получили дополнительные средства для реализации проектов в области цифровой дипломатии, международного вещания, проведения программ обменов, поддержки партий, неправительственных организаций (НПО), выборов и пр.

Выявлены следующие тенденции и перспективы в развитии инструмента внешней политики США, который еще несколько лет назад назывался публичной дипломатией, а сегодня все чаще обозначается как стратегическая коммуникация или интернет-дипломатия.

За 2017 г. правительство США существенно нарастило присутствие в различных социальных сетях. Статистический анализ данных показывает, что Госдепартамент поддерживает более 450 сайтов на платформе Facebook и 350 учетных записей на платформе Twitter. Увеличение масштабов цифровой дипломатии — в три раза по сравнению с 2013 г.

¹ Consolidated Appropriations Act 2017. P.L. 115–31: U.S. Congress. <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/244/text>.

Особую роль в американских информационных кампаниях играет подход, нацеленный на дискредитацию информации и политических лидеров в странах-оппонентах. Например, во время выборов 2016 г. каналы международного вещания США ежедневно оспаривали информацию, исходившую от российских СМИ. В качестве ответа был разработан подход по так называемой проверки фактов, что означало осуществление краткосрочной информационной кампании по дискредитации источника информации конкурентов США в мировом пространстве. До октября 2017 г. информационные кампании, призывавшие проверять факты (*fact-checking campaigns*), занимали приоритетное направление в публичной дипломатии США. Если провести контент-анализ новостной ленты официальных каналов международного вещания правительства США в социальных сетях посредством программы NVivo, которая позволяет анализировать big data, то слова «Россия», «Трамп», «Путин» и пр. являлись ключевыми и употреблялись исключительно в негативном контексте (см. рис.).

Рисунок. Содержание информации международных каналов вещания США в социальных сетях, 2016–2017 гг.

На рисунке указаны слова и термины, которые чаще других использовались каналами международного вещания США. Каналы транслировали информацию о кандидате в президенты Д. Трампе, президенте России В. Путине, о России, причем в негативном контексте. Это свидетельствует о том, что публичная дипломатия США находилась в состоянии защиты посредством распространения негативной оценки оппонентов, а не в состоянии нападения, когда по-

зитивное описание собственной повестки, мнения и т. п. доминирует в информационных потоках.

Сегодня правительство США осознает слабость данного подхода в силу роста числа игроков в информационном поле и расширения масштабов информации в сети Интернет. Наблюдается смена парадигмы интернет-дипломатии США. Вместо проверки фактов или попыток обвинить информационных оппонентов США намереваются распространять («вбрасывать») проамериканскую информацию на те целевые аудитории, которые находятся под влиянием России, КНР и других политических соперников. Такие кампании подразумевают превентивные информационные «удары», скажем, по русскоязычной аудитории стран Евразии или по китайским социальным сетям.

В этой связи концепция постправды, которая сегодня на слуху у многих экспертов, стала императивом публичной дипломатии США. Концепция постправды в ее практическом применении подразумевает отказ от информационного ответа или реакции на пропаганду против США, вместо этого используется прямое информационное давление на целевые аудитории для продвижения либеральной повестки. Именно поэтому публичная дипломатия уже не является инструментом политики мягкой силы, привлечения или взаимодействия с зарубежными аудиториями, а инструментом массовой пропаганды, реализуемой посредством компьютеров, ботов и технологий искусственного интеллекта².

Если проанализировать конкретные расходы и проекты правительства США в области традиционной и цифровой публичной дипломатии, то мы увидим, что администрация Д. Трампа тратит на все такие программы более 2 млрд долл. В эту сумму входят расходы на пропаганду, международное вещание, цифровую дипломатию, демократизацию, то есть на поддержку партий, НПО, обмена в области культуры и образования. Часть бюджета расходуется на информационные программы, которые относятся к цифровому международному вещанию. Более 750 млн долл. в год — это современный бюджет информационной деятельности США.

² Wharton B. Public Diplomacy in a Post-Truth Society. Remarks by Acting under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs: Department of State. <https://www.state.gov/r/remarks/2017/268592.htm>.

Россия оказалась на пятом месте среди 40 приоритетных стран, в которых большинство программ публичной дипломатии направлены на развитие демократии³. За последние три года финансирование американских проектов в России в области информационных, образовательных, культурных и интернет-проектов и т. п. увеличилось с 5 до 10 млн долл. в год. Особо можно отметить 2016 г., когда впервые расходы на проекты в области публичной дипломатии были увеличены в два раза⁴. Однако в эту сумму не входит финансирование, направляемое на противостояние с российской информацией в странах Восточной Европы и Евразии и исчисляемое в десятках миллионов долларов.

Российское, Восточноевропейское и Евразийское направления остаются самыми значимыми регионами в современной публичной дипломатии и занимают приоритетное место в информационной деятельности США. Такая задача, как отрыв русскоязычного населения в России, на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы от источников информации Москвы, что было обозначено предыдущей администрацией США, остается приоритетной и сегодня [6, с. 59–72]. Цель американской публичной дипломатии в странах Евразии и Восточной Европы обозначена как «противодействие российской дезинформации и пропаганде»⁵. США не устраивает тот факт, что Россия контролирует информацию на русском языке, распространяет свое видение мировой политики для 600 млн человек в мире, в то время как международное вещание США охватывает 278 млн человек⁶.

Для расширения доступа к русскоязычной части аудитории были предприняты различные шаги, в том числе в сфере цифровых технологий. Как неоднократно отмечалось, был создан новый интернет-канал «Настоящее Время» на платформе «Голоса Америки». Передачи канала смотрят более 2,4 млн жителей Евразии, основная аудито-

³ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/pdcommission/reports>. P. 20.

⁴ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/pdcommission/reports>. P. 20, 269.

⁵ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/pdcommission/reports>. P. 232

⁶ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>. P. 232.

рия — молодежь от 15 до 24 лет, проживающая в России, Казахстане и на Украине⁷.

Новым проектом выступает создание сети блогеров (*digital communicators*) на территории стран Восточной Европы, Средней Азии и России. В 2018–2019 гг. предполагается создать сеть из 3 тыс. активных пользователей социальных сетей, которые будут поддерживать работу независимых СМИ, либеральный дискурс и американский взгляд на происходящие события в странах постсоветского пространства⁸. Развитием навыков работы зарубежных активистов в социальных сетях занимается такой известный и успешный проект, созданный еще госсекретарем Х. Клинтон, как *TechCamps*. Проект проводит серию семинаров для активных блогеров, лидеров НПО и др. с участием представителей Силиконовой долины США и направлен на мобилизацию пользователей киберпространства вокруг ценностей и повестки дня США.

Новое направление публичной дипломатии, которое специально создано для русскоязычного населения постсоветского пространства, носит название «развитие медиаграмотности», что подразумевает формирование критического восприятия потребляемой информации среди широких слоев русскоговорящего населения, проживающих на территории Украины, Молдовы, Грузии, России. Управление международным вещанием и известная неправительственная организация IREX взяли на себя функции по реализации семинаров для молодежи в этих странах, которые доносят до слушателей различие между информацией и пропагандой⁹.

Однако самым важным направлением публичной дипломатии США является использование технологий ботов и искусственного интеллекта. Во время слушаний в Конгрессе по вопросу об информационной деятельности России в социальных сетях (Facebook, Twitter, Youtube) в конце октября 2017 г. эксперты пришли к выводу, что сегодня публичная дипломатия и мягкая сила должны стать компьютерной пропагандой, которую осуществляют боты, «тролли» и пр., называемые в США «коммуникационными инструментами

⁷ Broadcasting Board of Governors. Report, 2016: Broadcasting Board of Governors. <https://www.bbg.gov/strategy-and-performance/annual-reports>.

⁸ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2017: Department of State. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>. P. 234.

⁹ Learn to Discern: IREX. <https://www.irex.org/project/learn-discern>.

машинного типа». Масштабы использования различных компьютерных программ для распространения определенной информации стали огромными. Многие страны, политики и корпорации используют систему ботов для распространения информации по целевым аудиториям. Ответом на использование подобного инструментария, по мнению правительственных экспертов США, может быть только создание армии ботов и особого отдела ботов при Госдепартаменте США. Несомненно, США всегда использовали данный инструмент, однако сейчас речь идет о создании официального отдела¹⁰.

В отличие от многих стран, которые используют данные технологии, США убеждены, что боты — не самый надежный инструмент, поскольку технология не позволяет эффективно вести дискуссию с пользователями социальных сетей. Только искусственный интеллект может создавать большие объемы данных, направлять их на целевые аудитории и, самое главное, реагировать на комментарии и давать точные, яркие и убедительные ответы в социальных сетях, что очень важно в период проведения информационных кампаний¹¹. Поэтому использование искусственного интеллекта в публичной дипломатии является новой задачей. Более того, создание так называемого *chatbot 24/7/365* с использованием искусственного интеллекта не только заменяет сотни служащих отделов цифровой дипломатии США, но и втягивает в дискуссии миллионы пользователей интернета на всех языках.

Итак, поворот в публичной дипломатии от политики вовлечения к осуществлению масштабной пропаганды при помощи ботов и искусственного интеллекта в социальных сетях вызван не только развитием новых технологий, но и потерей контроля правительства США над информационным нарративом в мире. Выборы президента в США в 2016 г. отчетливо показали, что воздействие через социальные сети на маргинальные группы способно дестабилизировать либеральный мейнстрим. Обеспечение сохранения либерального политического порядка при помощи применения новых технологий в виде искусственного интеллекта и ботов в социальных сетях является основной причиной трансформации природы публичной дипломатии и мягкой силы США.

¹⁰ Can Public Diplomacy Survive the Internet? 2017: Department of State. <https://www.state.gov/documents/organization/271028.pdf>. P. 44.

¹¹ Can Public Diplomacy Survive the Internet? 2017: Department of State. <https://www.state.gov/documents/organization/271028.pdf>. P. 41.

Наконец, финансирование проектов в области информационно-обеспечения внешнеполитической деятельности, каналов международного вещания и цифровой дипломатии будет нарастать, а такие задачи публичной дипломатии, как информационное влияние на русскоязычное население стран Восточной Европы и Евразии, останутся приоритетными в ближайшие годы.

Литература

1. *Алимов А. А., Немчинова Т. С., Музалёв А. А.* Публичная дипломатия на Евразийском пространстве // *Общество. Среда. Развитие.* 2017. № 3 (44). С. 127–130.
2. *Барышников Д. Н.* Публичная дипломатия и многостороннее сотрудничество в альянсе цивилизаций ООН // *Политэкс.* 2013. № 9 (2). С. 14–23.
3. *Лагутина М. Л.* ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // *Управленческое консультирование.* 2015. № 11 (83). С. 124–136.
4. *Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л.* Олимпийские и паралимпийские зимние игры в Сочи как аспект «мягкой силы» // *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта.* 2014. № 10 (116). С. 89–93.
5. *Немчинова Т. С.* Международный круглый стол «Публичная дипломатия на Евразийском пространстве» // *Сравнительная политика.* 2018. Т. 9, № 1. С. 164–166.
6. *Цветкова Н. А.* «Русский мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. // *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2016. № 8 (560). С. 59–72.
7. *Цветкова Н. А.* Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к стратегической коммуникации // *Международные процессы.* 2015. Т. 13, № 3 (42). С. 121–133.
8. *Церпицкая О. Л., Маркушина Н. Ю., Ковалевская Н. В., Тимченко Н. М.* Религиозный фактор как аспект мягкой силы Российской политики // *Инновации и инвестиции.* 2015. № 9. С. 72–74.
9. *Ягья В. С., Блинова Н. В.* Английский язык как фактор мировой политики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения.* 2007. № 4. С. 102–108.
10. *Ягья В. С., Минфу Л.* Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI в. // *Международная жизнь.* 2015. № 7. С. 84–93.
11. *Ягья В. С., Пономарева Е. Г.* Научное сотрудничество — форма и метод публичной дипломатии // *Обозреватель.* 2015. № 8 (307). С. 69–82.
12. *Ягья В. С., Чуков Р. С., Парфененко Н. Л.* БРИКС: Эволюция и конвергенция сил // *Вестник РУДН. Серия: международные отношения.* 2016. Т. 16, № 1. С. 7–16.

Контактная информация:

Цветкова Наталья Александровна — д-р ист. наук, проф.; n.tsvetkova@spbu.ru

Digitalization of U. S. Public Diplomacy

Natalia A. Tsvetkova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tsvetkova N. A. Digitalization of U.S. Public Diplomacy. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 432–443.

<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.29> (In Russian)

The methods of qualitative and quantitative analysis are applied in the research in order to discuss new shifts in U. S. public diplomacy. The author concludes that the digital diplomacy, bots, and artificial intellect constitute a new imperative for the U. S. public diplomacy. In addition, the author confirms her previous findings that such notions as “soft power” and “public diplomacy” have been substituted by the “strategic communication” in official documents that implies the priority in the development of propaganda and information campaigns in both traditional and digital public diplomacy. The findings can contribute to the Russian foreign policy.

Keywords: soft power, public diplomacy, digital diplomacy, Internet, social media, propaganda, bots, post-truth, artificial intellect, the United States, D. Trump.

References

1. Alimov A. A., Nemchinova T. S., Muzal'ov A. A. Public Diplomacy in the Eurasia. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2017, no. 3 (44), pp. 127–130. (In Russian)
2. Baryshnikov D. N. Public Diplomacy and Multilateral Cooperation in the UN Alliance of Civilizations. *Politjeks*, 2013, no. 9 (2), pp. 14–23. (In Russian)
3. Lagutina M. L. EU and EEU: Problems and Perspectives of the Cooperation in the Current Geopolitical Conditions. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, no. 11 (83), pp. 124–136. (In Russian)
4. Markushina N. Ju., Tserpitskaya O. L. Olympic and Paralympic Winter Games in Sochi, as an Aspect of “Soft Power”. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2014, no. 10 (116), pp. 89–93. (In Russian)
5. Nemchinova T. S. International Roundtable: Public Diplomacy in the Eurasia. *Sravnitel'naya politika*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 164–166. (In Russian)
6. Tsvetkova N. A. *Russkiy Mir* in American Public Diplomacy: New Directions (2015–2018). *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2016, no. 8 (560), pp. 59–72. (In Russian)
7. Tsvetkova N. A. New Forms and Elements of US Public Diplomacy: from Soft Power to Dialogue — Based Propaganda. *Mezhdunarodnye processy* 2015, vol. 13, no. 3 (42), pp. 121–133. (In Russian)

8. Tserpitskaya O. L., Markushina N. Ju., Kovalevskaia N. V., Timchenko N. M. The Religious Factor as an Aspect of the Soft Power of Russian Politics. *Innovacii i investicii*, 2015, no. 9, pp. 72–74. (In Russian)
9. Yagya V. S., Blinova N. V. English as a factor of world politics. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofija, politologija, sociologija, psihologija, pravo, mezhdunarodnye otnoshenija*, 2007, no. 4, pp. 102–108. (In Russian)
10. Yagya V. S., Minfu L. Confucius Institute as a Factor of “Soft Power” in China’s Foreign Policy in the XXI Century. *Mezhdunarodnaja zhizn*, 2015, no. 7, pp. 84–93. (In Russian)
11. Yagya V. S., Ponomareva E. G. Scientific Cooperation — Form and Method of Public Diplomacy. *Obozrevatel’*, 2015, no. 8 (307), pp. 69–82. (In Russian)
12. Yagya V. S., Chukov R. S., Parfenenok N. L. BRICS: Evolution and Convergence of Powers. *Vestnik RUDN Press. Ser. International Relations*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 7–16. (In Russian)

Author’s information:

Natalia A. Tsvetkova — Dr. Sci. in History, Professor; n.tsvetkova@spbu.ru